

"ВЯТШИЕ", "ЛУТШИЕ" и "НАРОЧИТЫЕ МУЖИ" в ДРЕВНЕЙ РУСИ XI - XIII вв.

"VATSCHIE", "LUTSCHIE" AND "NAROCITIE MUZI" IN ANCIENT RUS XI - XIII centuries

V. Dolgov
K. Solovieva

Annotation

The article deals with the status of "lutschie muzi" in Ancient Rus society. The main theme of research – social, economic, political characteristics of this category.

Keywords: "muzi", Ancient Russia, social structure.

Долгов Вадим Викторович

Д.и.н., профессор, ФГБОУ ВПО

"Удмуртский государственный университет",

г. Ижевск

Соловьева Ксения Николаевна

Аспирант, ФГБОУ ВПО

"Удмуртский государственный университет",

г. Ижевск

Аннотация

Статья посвящена исследованию положения "лутших мужей" в древнерусском обществе. Рассматриваются социальные, экономические, политические характеристик этой категории.

Ключевые слова:

Мужи, Древняя Русь, социальная структура.

"Мужи", возвышавшиеся тем или иным образом над общим уровнем массы свободных общинников, именовались в древнерусских текстах "вятшим", "лутшим" или "нарочитым" мужами. Необходимо иметь в виду, что определялась данная социальная категория относительно "людей", и она дает нам возможность взглянуть на общество их глазами. Именно в их среде они "были у всех на устах, о них говорили, их нарекали (реку – нарочь)" [1], среди них они были лучшими, чем-то значительными персонами. Понятно, что встать над массой можно благодаря разным обстоятельствам. Древнерусская множественность оснований социальной стратификации проявлялась здесь весьма ярко. Фактически, существовало только одно ограничение: превосходство должно было быть проявлено в социально значимой сфере. К таковым относилась, например, сфера военная. Важность ее была обусловлена широким участием свободного населения в военных действиях в качестве народного ополчения воев и всеобщим его вооружением [2].

Яркий пример возвышения на военной службе дает история, рассказанная в ПВЛ под 993 год об отроке-кожемяке (получившим в более поздних летописях имя Яна-усмаря), победившем печенежского воина. Нет никаких сомнений, что история эта попала в летопись из фольклорной среды. Однако сам факт помещения ее в летопись свидетельствует, что современника ситуация эта виделась в принципе возможной. "Володимиръ же великимъ мужемъ створи того и отца его" [3]. Князь воздал герою честь, возвысившую его среди сограждан.

Поскольку "лутшие" и "лепшие" люди Древней Руси действительно должны были быть чем-то хороши, элите-

ты, обозначавшие повышенный социальный статус, не превратились в названия сословий, и никогда полностью не теряли связи со своим первоначальным значением лучший, выдающийся человек [4]. Сын "нарочитого" мужа не наследовал его статус автоматически, если не обладал достаточными для этого личными качествами.

Пожалуй, возможность наследственной передачи статуса давало лишь богатство. В современной науке стало общепризнанным фактом, что воззрения на богатство, бытовавшие в древних обществах значительно отличались от тех, которые сформировались в индустриальном и постиндустриальном обществах. Помимо экономического оно имело сакральное и престижное значение. А.Я.Гуревич высказал мнение, что в варварских обществах престижное значение даже превосходило утилитарное [4]. Значение богатства в укреплении княжеской власти в Древней Руси была показаны В.И.Горемыкиной и И.Я.Фрояновым [2]. Сакральность его прослеживается в самом термине, связанном со словом "бог".

Материальное благосостояние являлось одним из определяющих факторов социальной стратификации. Оценить место и роль богатства в жизни человека Древней Руси помогает "Слово" Даниила Заточника [6]. Помимо сетований на бытовые неудобства, которые Даниил вынужден терпеть из-за бедности, он сетует еще и на неуважение, отсутствие престижа. Мало удовольствия есть черствый хлеб, пить теплую воду на ветру, спать под дождем на холоде, прикрываясь лишь тряпицей, но еще обидней не получать заслуженного по уму и начитанности почтения от окружающих и видеть как возносят "до облак богата несмысленна", подобно шелковой подушке,

набитой соломой [6].

Заточник будучи человеком неординарным, талантливым, находится в конфликте со своим временем. Он понимает разницу между "формой" и "содержанием" – "Нищ бо мудр – аки злато в кальни судни, а богат красень и не смыслить – то аки паволочито изголовие, соломы наткано" [6], а его современники, против которых полемически заострено произведение – нет.

Престижное качество богатства проявлялось не только тогда, когда оно находилось в руках князей и бояр, но на всех уровнях общественной иерархии. Даже печерские монахи, раздав все имущество бедным, рисковали остаться на старости лет без помощи, а после смерти без погребения. Так, например, Еразм–черноризец, растратив все свое большое состояние на церковную утварь и иконы, "обнища вельми, и небрегом бысть никемже" [7]. Невнимание к телу святого Афанасия Затворника, "иже умерь и паку въ другой день оживе" объяснено в Киево–Печерском патерике просто: "бе бо убог зело, не имеа ничтоже мира сего, и сего ради небрегомъ бысть; богатъ бо всяк тщиться послужити и в животе, и при смерти" [8].

Высокая социальная престижность богатства сочеталась в древнерусском общественном сознании с двойственностью этической оценки [4]. Христианская доктрина однозначно отдает приоритет бедности перед богатством. Но в древнерусской учительной литературе осуждения обеспеченной жизни самого по себе не было. Церковь указывала богатым приемлемые формы существования без значительных материальных потерь и в ладу со своею совестью. Для этого необходимо подавать милостыню, кормить и защищать убогих, поддерживать (в том числе и материально) духовенство. Именно такие советы находим мы и в "Наказании богатым", и в Изборнике 1076 года [9], "Поучение" Владимира Мономаха [10] и в ряде иных произведений. С другой стороны, строго осуждалось "сребролюбие", понимаемое как стяжательство, алчность.

Весьма показательный сюжет содержится в Киево–Печерском патерике. Некий Федор "оставил убо мирская и богатство разда нищимъ, и бысть мних и добре подвизася на добродетель" [11]. Дьявол вселил в сердце Федора соблазн и он пожалел об утраченном богатстве. Появилось беспокойство, что если Бог даст ему долгих лет жизни и от старости он изнеможет телом, ему не будет хватать монастырской еды, а купить что–нибудь сверх монастырского рациона у него не будет возможности. Под руководством беса, прикинувшегo его другом, отцом Василием, он с жаром стал вымаливать у Бога золота и серебра. Стараниями все того же беса Федор нашел клад и едва не сбежал из монастыря. То есть, Федор не только возжелал богатства, но с бесовской помощью обрел его. История, конечно же, завершилась так, как должна была завершиться: Наваждение Дьявола было развеяно. Федор, заняв себя усиленным трудом, встал на

путь исправления. Духовная победа Федора выразилась в том, что он потерял "память сребролюбия" настолько, что не смог указать князю, где зарыт клад.

Еще один пример раскаявшегося стяжателя среди персонажей патерика – князь Святополк Изяславич, пытавшийся отобрать у блаженного Прохора чудесным образом полученную из золы соль.

Древнерусская этика не осуждала богатство, особенно если его обладатель владел им справедливо по понятиям того времени, то есть делился. Но к стремлению богатство преумножить, к "сребролюбию" отношение было резко отрицательным [4].

Богатство было обязательным условием знатности. Бедный аристократ, если только не монах, в Древней Руси существовать не мог. Разорившись, человек переставал, очевидно, восприниматься как "вельможа", поскольку статус это не был никак формально закреплен. Да и среди монахов подлинный аристократ, ведший по–настоящему бессребренический образ жизни известен только один – князь Николай Святоша, сначала коловший дрова для нужд монастырской поварни, а потом ставший привратником [12].

В древнерусской социальной психологии абстрагирование понятия знатности еще не зашло очень далеко. В.И.Сергеевич высказался следующим образом: "Звание боярина в древнейшее время является, таким образом, не чином, раздаваемым князем, а наименованием целого класса людей, выдающегося среди других своим имущественным превосходством" [13]. Похожую точку зрения высказал В.В.Колесов: "в развитии общей идеи знатности сначала освободились от представления о красоте и хорошем; затем из числа признаков устранилось представление о физической силе; наконец, устранилось представление о личном величии. Теряя один за другим некоторые признаки своего содержания, понятия о знатности расширило свой объем, приспособиваясь тем самым к нуждам феодального общества. Богатый может быть главным, и за то он славится – так кратко можно сформулировать средневековый эталон знатности" [1].

Следует, однако, иметь в виду, что знатность определялась не только богатством. Существовал целый набор показателей. Важнейшим из них была родовитость, господствующее положение во властной иерархии, поведенческие паттерны, наличие развитой сети социальных связей (в том числе и возможность аккумулировать вокруг себя многочисленную клиентеллу). Обладание перечисленными качествами позволяло занять высшую ступень социальной стратификации, стать "знатным".

О.В.Мартышин предположил (и это предположение кажется весьма убедительным), что в Новгородской республике группа населения, не уступавшего боярству по уровню материального благосостояния, но не столь ро–

довитая именовалась "житьи люди" [14]. Очевидно, что это одна из разновидностей "лутших" или "лепших" мужей.

Вряд ли можно говорить о полном осознании знатью, "нарочитыми мужами" и боярами своего группового единства, о полном созревании чего-нибудь похожего на классовое или корпоративное самосознание. "Нарочитые мужи" объединялись либо вокруг определенного князя, либо по территориальному признаку. Можно говорить лишь о начале зарождении группового самосознания знати как "класса". Отправной точкой для ее формирования послужили не столько единство интересов, сколько расширяющиеся личные контакты, общность культурных норм и поведенческих стереотипов. Так, например, как ни гневался князь Изяслав Ярославич на самовольный уход сына боярина Иоанна в монахи [15], но именно ему, Варлааму, много спустя, доверил руководство Дмитровским монастырем, созданным князем и находящимся на специальном государственном финансировании [16]. В Дмитровском монастыре, который был задуман как противовес Печерскому, где постриг принимали богатые и знатные люди, и игумен должен был быть "свой". Представление о том, что князя и бояре вместе составляют некое единство, высший слой общества, начинает обозначаться, хотя и слабо. Лекарь князя Святоши сириец Петр, увещевая своего бывшего господина, живущего в монастыре в добровольной нищете, апеллирует к тому, что такой образ жизни не подходит человеку его происхождения: "Кий убо князь се сътвори? Или блаженный отець твой Давидь, или дед твой Святославь, или кто въ боярех се сътвори, или сего пути въждеде, разве Варлаама, игумена бывшего зде?" [12]. В пример странному князю "лечец" ставит не только князей, но и бояр. Однако в повседневной жизни осознание "классового единства" встречалось, по-видимому, крайне редко, так как горизонтальное социальное размежевание почти всегда оказывалось слабее вертикальных связей: во время частых межгородских или межпартийных столкновений "свой" людин был для представителя знати гораздо ближе и "родней", вражеского боярина.

Дистанция, отделяющая знать от рядового свободного общинника в Древней Руси была невелика. Б.Н. Флоря проанализировал процесс формирования сословного статуса господствующего класса Древней Руси на материале статей различных законодательных актов о возмещении за "бесчестие" [17]. Исследователь сравнивал ранние источники с поздними и выяснил следующее: тексты, сохранившие все признаки древнего происхождения (счет на гривны, и другие архаизмы) не знают иной дифференциации в статьях о бесчестии кроме "свободных" и "несвободных". Именно так обстоят дела, например, в Русской Правде, в договорах Новгорода и Смоленска с немцами. В то же время статьи о бесчестии Устава Ярослава, которые, по мнению большинства исследователей, подверглись существенной переработке в XIV – XV вв. (счет там идет уже на рубли) рисуют совершенно иную

картину. В статьях Устава и аналогичных ему памятниках появляется существенная разница между суммами, которыми наказывалось нанесение оскорбления дочерям и женам больших бояр, меньших бояр, нарочитых людей и простой чади. Пропорция по подсчетам Б.Н. Флоря выглядит следующим образом: 20 : 4 : 1,3 : 1. Это означает, что система общественного устройства формируется уже совершенно по-другому. Между большими боярами и простым свободным человеком пролегла пропасть. Но случилось это не раньше XIV в. При этом следует отметить, что дистанция между "нарочитым мужем" и "простой чади" совсем невелика.

Интересные суждения о термине "муж" содержатся монографии А.С. Львова, посвященной терминологии "Повести временных лет". По его мнению, слово это имеет три основных значения:

1. "Супруг".
2. "Человек, мужчина".
3. "Приближенный к князю".

Первые два значения он отделял от третьего, считая их древнеславянским наследием в древнерусском языке. То есть, следуя логике, третье значение было специфически древнерусским. "В последней группе предложений слово *моужь* выступает в общественно-политическом значении, поскольку *моужь* здесь то является воеводой, то послом особых поручений князя" [18].

При этом А.С. Львов отмечает, что для того, "чтобы отличить этих мужей от всех мужей (обыкновенных мужчин), как видно, применялись различные определения: *княжь моужь* (Берест. грамм. № 109; Рус. Пр., ст. 1 и др.), *великий моужь*, *вячьший моужь*, *лоучьший моужь*, *добрый моужь* и т.д. Постепенно эти мужи с различными эпитетами стали именоваться боярами" [18].

Рассуждения исследователя логичны, однако, из них делается совершенно нелогичный вывод. С его точки зрения, "мужи" Русской правды – это представители социальных верхов, хотя там, как известно, "мужи" выступают безо всяких дополнительных эпитетов. "Надо полагать, что статья 1 Рус. Пр. имеет в виду этих самых мужей (т.е. воевод, послов, – К.С.), когда констатирует: "оубьеть моужь моужа, то мьстити братоу брата...; оже ли не боудеть кто его мьстя, то положити за голову м гривнь (л. 615 об). Позже штраф этот был увеличен до 80 гривен".

То есть, ученый причислял к социальным верхам тех "мужей", которые охраняются в Краткой Правде вирой в 40 гривен и считал, что в Пространной Правде те же самые мужи уже охраняются 80-гривенной вирой, что противоречит буквальному прочтению этих статей. Еще более странным выглядит замечание в свете того, что "княжь муж" выделен в Пространной Правде в отдельную подкатегорию.

Очевидно, рассмотрение вопроса о социальной стра-

тификации не слишком интересовало А.С. Львова (книга его посвящена исследованию в первую очередь сугубо филологических вопросов) и он пошел в своих рассуждениях в кильватере доминировавшей в то время точке зрения на природу древнерусского общества как раннефеодального.

Однако, материал, собранный и подытоженный в книге А.С. Львова однозначно свидетельствует, что и в XI в XII вв. в древнерусском языке слово "муж", не снабженное уточняющими характеристиками по-прежнему имело весьма широкое значение.

Между тем, нелогичный вывод А.С. Львова ввел в заблуждение его последователей. Со ссылкой на означенную работу рассуждает другой филолог, автор в целом-то глубокого и интересного исследования о древнерусском языке В.В. Колесов: "Социальная принадлежность человека также устанавливается с помощью слова муж; муж всегда противопоставляется холопу, рабу, тогда как человеком могут называть и холопа (Бенвенист, 1974, с. 366–386). В древнерусских текстах слово муж всегда имеет такие определения, как досточюдный, правденый, избранный, богатый <...> Такие определения к слову отражают новое – средневековое – представление о муже: он высок по рангу, приближен к князю. Такое значение слова неизвестно старославянским текстам, оно является древнерусским" [19].

Налицо тот же логический сбой, что и в работе А.С. Львова: то, что высокое социальное положение является исключительно древнерусским элементом значения слова "муж" не означает, что значение это является единственным древнерусским. Как видно в ПВЛ и других текстах древнерусского происхождения, слово "муж" без дополнительной квалификации продолжало сохранять весь спектр значений, существовавший в славянских языках. И уж говорить о том, что слово это всегда выступает в связке с качественным определением не приходится.

В ситуации, когда древнерусский язык существовал в тесной связи с другими славянскими языками, иную ситуацию сложно вообразить: Б.А. Успенский определил языковую ситуацию в Древней Руси как ситуацию диглоссии [20]. То есть в рамках одной культуры сосуществовали два языка: церковнославянский и собственно древнерусский. Языки эти выполняли разные функции: церковнославянский (древнеболгарский по своей природе) использовался для богослужения и "литературы", а в качестве разговорного, делового и "государственного" – русский. Человек "переключался" с языка на язык, не отдавая себе в этом отчета, в зависимости от ситуации. Мог ли он в таком случае совершенно изолировать в своем сознании общеславянское и специфически русское значение слова "муж"? Вряд ли такое можно себе представить. Во всяком случае, анализ русских текстов не дает для этого никаких оснований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Колесов В.В. Мир человека в слове Древней Руси. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2000. С. 177.
2. Фроянов И.Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. С.185 – 216.
3. ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись. М.: "Языки русской культуры", 1997. Стб. 124.
4. Долгов В.В. Быть и нравы Древней Руси XI – XIII вв. Миры повседневности. М.: Яуза-ЭКМО, 2008. С. 228.
5. Гуревич А.Я. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М., 1970. С. 68.
6. Слово Даниила Заточника // БЛДР. Т. 4. XII век. СПб., 1997. С. 272.
7. О Еразме черноризци, иже истроши имение свое къ святым иконамъ и тех ради спасение обрете. Слово 21. Киево-Печерский патерик. // БЛДР. Т.4. С. 384.
8. О святемъ Афонасии Затворници, иже умерль и паку въ другый день оживе и пребысть лет 12. Слово 19. Киево-Печерский патерик. С. 372.
9. Изборник 1076 года. М., 1965. С. 98.
10. Поучение Владимира Мономаха. БЛДР. Т. 1. XI – XII века. СПб.: Наука, 1997. С. 462.
11. О святыхъ преподобныхъ отцехъ Феодоре и Василии. Слово 33. Киево-Печерский патерик. С. 442.
12. О преподобнемъ князи Святоши черниговскомъ. Слово 20. Киево-Печерский патерик. С. 376.
13. Сергеевич В.И. Древности русского права. С. 365.
14. Мартышин О.В. Вольный Новгород. М., 1992. С. 113 –123.
15. Житие Феодосия Печерского // БЛДР. Т. 1. С. 370.
16. Нестера, мниха обители монастыря Печерьскаго, сказание, что ради прозвася Печерьскый монастырь. Слово 7. Киево-Печерский патерик. С. 320.
17. Флоря Б.Н. Формирование сословного статуса господствующего класса Древней Руси (на материале статей о возмещении за "бесчестие") // История СССР. 1983. № 1. С. 61 – 74.
18. Львов А.С. Лексика "Повести временных лет". М.: Наука, 1975. С. 221.
19. Колесов В.В. Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека. С. 164.
20. Успенский Б.А. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI – XIX вв.). М.: Гнозис, 1994. С. 32.